

ЗАВТРАК НА СТОЛЕ

РАЙ СЕРГЕЙ

Иногда самое дорогое стоит копейки

Сергей Рай

Завтрак на столе

<https://litres.ru/74684253>

SelfPub; 2026

Аннотация

У героя есть всё: фамильное состояние, выросшее из изобретения колеса, дворецкий Морис и девятнадцать браков позади. Нет только одного: любви, которую не нужно покупать. Деньги и фамилия отравляют каждое знакомство, а пластика, сайты знакомств и чужие имена не помогают.

В похмельном бреду он вспоминает старый документ о приборе, который позволяет родиться заново, сохранив память. Вопреки советам Мориса, он решается на перерождение. Новая жизнь начинается в прачечной маленького городка, где нет ни слуг, ни состояния, зато есть часовщик-отец, булочник-друг и аптекарша Лиза, с которой одно пирожное приходится делить на двоих. Но привычка проверять любовь на прочность переехала вместе с героем, а прошлое уже стучится в дверь.

Тёплая, ироничная история о том, что дороже всего стоит то, что нельзя купить, и о том, что любовь выдерживает правду, но не выдерживает экзаменов.

Содержание

Завтрак на столе	4
Глава 1. Свободный день	5
Глава 2. Девятнадцать браков	12
Глава 3. Семья, что любит всех	18
Глава 4. Колесо и всё остальное	22
Три сделки, которые я знаю наизусть	25
Ночь, когда я попытался отдать всё	29
Глава 5. Сайты знакомств и чужие лица	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Рай

Завтрак на столе

Завтрак на столе

Роман. Часть I. Мсье

Глава 1. Свободный день

Стояла поздняя осень, и утро в моём доме начиналось не с будильника. Будильник предполагает, что кто-то может проспать, а в доме, где работает Морис, проспать невозможно. Утро начиналось с тихого звука, похожего на то, как опускается на землю снежинка, если бы снежинки носили лакированные туфли. Это Морис входил в спальню.

— Доброе утро, мсье. Ваш завтрак на столе, костюм на стуле.

Я не открыл глаза.

— У меня есть какие-то дела, Морис?

— Нет, мсье. Сегодня у вас свободный день.

Эту фразу я слышал раз в неделю, и каждый раз она звучала как приговор, смягчённый до условного срока.

Морис был моим единственным другом, единственным, которого я мог себе позволить. Платил я ему приличное состояние. Он давно мог бы купить огромный дом на Анцианском острове, завести там павлинов и больше никогда не гладить ничьих манжет. Но он оставался. Он следил за моим домом, моим расписанием и моими счетами, и на последнее я согласился в первый же день, не раздумывая. Люди с моими деньгами обычно не доверяют никому. Я доверял Морису во всём, и ни разу об этом не пожалел.

Он был невысоким, сухим, с прямой спиной человека,

который однажды решил, что осанка есть форма уважения, и больше этого решения не пересматривал. Ему было за шестьдесят, но возраст на нём не оседал, а скорее вежливо задерживался в прихожей. Седые виски, чёрный жилет, часы на цепочке. Часы он носил не потому, что они были красивые, а потому, что «мсье, в доме должен быть хоть один предмет, который никогда не опаздывает».

Я наконец сел на кровати.

— Ты ведь знаешь, что можешь называть меня по имени.

— Знаю, мсье.

— И?

— Воспитание, мсье.

Мы вели этот разговор уже много лет. Он был как погода: всегда один и тот же, но каждый раз мы делали вид, что есть шанс.

Завтрак ждал на веранде. Я не стану описывать его меню, потому что вы либо уже представили его себе, либо у вас неприлично богатая фантазия, либо вы поймёте, что описывать нечего. Это был хороший завтрак. Яйца были такими, какими яйца бывают только в мечтах яиц. Кофе пах так, будто в него не добавили ничего лишнего, и именно поэтому стоил как небольшой автомобиль. Я съел всё и не почувствовал вкуса.

Вот в чём проблема, если вы никогда не задумывались: когда всё лучшее доступно всегда, оно перестаёт быть лучшим. Оно просто есть.

Морис стоял у дверей и делал вид, что не смотрит на меня. Он умел так стоять: чуть отвернувшись, ровно настолько, чтобы мне казалось, что у меня есть личное пространство.

В свой выходной я всегда делал одно и то же. После завтрака я шёл в кабинет, садился в кресло у окна и погружался в раздумья. Я думал о том, как моя жизнь могла повернуться иначе. И почему, когда у меня была возможность что-то изменить, я думал совсем о другом.

Звучит красиво. На деле это выглядело так: взрослый мужчина сидит в кресле, смотрит на сад, который стоит больше, чем ваш район, и вздыхает. Если бы кто-то снимал это для документалки, ему пришлось бы монтировать десять часов тишины.

Я просидел так довольно долго. Потом в дверь постучали. Морис никогда не входил без стука, даже если дверь была открыта.

— Мсье, вы сегодня опять будете грузить голову глупыми мыслями?

— Да, Морис. К сожалению, они не дают мне покоя.

— Но, мсье! Меня это начинает тревожить.

Он вошёл, прикрыл за собой дверь и остановился в шаге от моего кресла. Это был его способ показать, что разговор серьёзный. Обычно он стоял в трёх шагах.

— Неужели вы не можете выбрать себе женщину, мсье? Ту, что вам понравится? Вас окружают толпы.

— Ты не понимаешь! Мне не нужна толпа.

Я встал и подошёл к окну. Это тоже было частью ритуала.

— Я не хочу лживую и двуличную, которой будут нужны только мои финансы и роскошь. Я хочу простую, обычную. Я хочу по любви! Понимаешь?!

Морис помолчал.

— Понимаю, мсье, — сказал он наконец. — Простите, если мой вопрос показался бестактным.

— Он не бестактный. Он просто... ты не первый, кто мне это советует.

— Знаю. И не последний.

Хоть эти мысли и кажутся наивными, на самом деле это так. Я знаю, как это звучит. Богач, которому скучно, хочет настоящего. Таких историй пишут тысячи, и обычно в конце героя спасает официантка или собака. Но моя проблема была технической, а не поэтической. Я не знал, как отличить настоящее, когда оно у меня перед глазами. У меня не было тест-системы. У меня были только девятнадцать неудачных образцов.

Об образцах я расскажу в следующей главе. Пока достаточно знать, что из девятнадцати я не вынес ни одного урока, кроме одного: любовь за деньги стоит дороже, чем любые деньги.

Морис кивнул, будто услышал мои мысли.

— Мсье позволит предложение?

— Позволит.

— Прогулка. Не по саду. За его пределы.

— Куда?

— Куда угодно. Там тоже есть воздух, мсье. И люди, которые не знают вашей фамилии.

— Таких не существует.

— Тогда считайте это исследованием, — сказал Морис.

— Вы ведь любите исследования.

Я не любил исследования. Я любил кресло. Но у Мориса была особенность: он никогда не настаивал, и именно поэтому ему невозможно было отказать. Он просто стоял в трёх шагах, потом в двух, потом в одном, и в какой-то момент вы обнаруживали, что уже надеваете пальто.

Мы вышли через боковую калитку. За ней начиналась улица, обычная, с асфальтом, фонарями и женщиной, которая выгуливала таксу в клетчатом комбинезоне. Я остановился. Такса тоже. Мы посмотрели друг на друга, как два существа, одинаково удивлённые тем, что кто-то заставил их выйти на улицу.

— Видите, мсье? — тихо сказал Морис. — Ничего страшного.

— Она на меня смотрит.

— Это такса, мсье. Она смотрит на всех.

Хозяйка таксы подняла глаза, увидела меня и застыла. Я узнал это выражение, потому что видел его ровно девятнадцать раз на разных лицах: сначала испуг, потом расчёт, потом улыбка, которая слишком старательна, чтобы быть настоящей.

— Здравствуйте, — сказала она. — Это же вы...

— Нет, — быстро ответил я. — Я его двойник.

— Но у вас такой же...

— Мы с ним очень похожи. Нас часто путают. Всего доброго.

Я развернулся и зашагал обратно к калитке. Морис шёл следом ровно в шаге от меня и очень старательно не смеялся. Я слышал это по тому, как ровно он дышал.

— Мсье, — произнёс он, когда мы оказались во дворе, — это была лучшая прогулка за много лет.

— Это была катастрофа.

— Катастрофа, мсье, тоже опыт.

Я сел на ступеньки крыльца. Дорогой костюм, настоящая итальянская шерсть, ступеньки из белого камня, привезённого, кажется, с другого континента. Я сидел на них как мальчишка, которого выгнали из класса. И вдруг понял, что мне действительно не хватает не женщины. Мне не хватало возможности пройти по улице так, чтобы никто ничего не видел, кроме меня самого.

Но говорить об этом вслух я не стал. Вместо этого я сказал:

— Морис, расскажи мне про свою жену.

Он замялся. Это случалось с ним редко. Я мог пересчитать эти моменты по пальцам одной руки.

— Мсье, там не слишком интересная история.

— Я не прошу интересную. Я прошу правду.

Морис сел рядом на ступеньку, расправив брюки, чтобы не помялись, и посмотрел куда-то поверх забора.

— Её звали Мари. Мы познакомились в пекарне. Она стояла в очереди передо мной, и у неё не хватило мелочи на круассан. Я предложил ей свои. Она отказалась. Я настаивал. Она сказала, что не берёт у незнакомцев. Тогда я сказал, что в таком случае мы больше не незнакомцы, и представился.

— И она взяла?

— Нет, мсье. Она купила половину круассана. Вторую половину отдала мне.

Я засмеялся. Потом перестал.

— И вы были счастливы?

— Нам было очень тяжело, мсье. У нас не было денег, и мы много ругались. Один раз она бросила в меня батоном. Но мы были счастливы. Знаете, чем отличается это от всего остального? Тем, что после ссоры мы всё равно ужинали вместе.

Я молчал. Говорить было нечего.

— Мсье, — сказал Морис мягко, — вы ищете то, что нельзя купить. Но, возможно, вам просто нужно научиться начинать с половины круассана.

Он встал, отряхнул брюки и вернулся в дом. Я остался на крыльце. Солнце уже поднялось высоко, сад пах мокрой травой, где-то далеко залаяла такса.

И я подумал, что у меня есть всё, кроме половины круассана.

Глава 2. Девятнадцать браков

У Мориса была папка. Тёмно-синяя, с кожаным корешком и золотым тиснением «Бракосочетания». Он не показывал её мне никогда, но я знал, что она есть, так же как знаешь, что в доме есть подвал: туда не заглядываешь, но по ночам прислушиваешься.

В тот вечер, после неудачной прогулки, я попросил её принести. Морис принёс. Положил на стол ровно по центру, как кладут вещественное доказательство.

— Мсье уверен?

— Нет. Но я хочу понять, где именно я ошибался.

— Мсье ошибался девятнадцать раз. Это очень удобная статистика: любой вывод будет достаточно обоснован.

Я открыл папку.

Первая жена, Софи. Пианистка. Мы поженились в апреле, и весь апрель она играла Шопена в моей гостиной, а я слушал и думал, что вот оно. В мае я осторожно сказал, что хорошо бы ей, например, начать давать концерты за деньги. Она встала, сыграла «Похоронный марш» от первой до последней ноты и вышла в дверь, не закрыв крышку рояля. Крышку закрыл Морис.

Вторая, Беатрис. Художница. Писала мои портреты: в профиль, анфас и в образе римского императора. Продала их, как выяснилось, за смешные деньги. За все. Когда я

похвалил её предприимчивость и предложил заняться этим всерьёз, она обиделась, что я «превращаю искусство в бухгалтерию», и уехала в Прованс. Прованс, кажется, тоже входил в наш уговор.

Третья, Камилла. Вот с ней было весело. Она хохотала так, что дрожали люстры. Развелись мы из-за люстр: она заказала новые, потому что старые «плохо смеялись в ответ». Я вспомнил про работу, когда пришёл счёт. Камилла посмотрела на меня, как на человека, который предложил ей сдать кровь на анализ в день рождения.

Четвёртая, пятая и шестая слились в одну в моей памяти, и я не могу этого объяснить. Все три любили путешествовать, все три любили шампанское, и всем трём я в какой-то момент задал один и тот же вопрос. Морис записал их на одной странице и подписал карандашом: «Серия. См. также: Пляжи».

Седьмая, Ирена. Единственная, кто пыталась меня понять. Она купила три книги по психологии и прочитала их вслух. К концу третьей книги выяснилось, что проблема не во мне и не в ней, а в «ресурсной модели партнёрства». Я не понял ни слова. Мы разошлись мирно, оба с чувством, что нас обманул учебник.

Восьмая, Лидия. Вдова. Скромная, тихая, пекла яблочные пироги. Я был уверен, что нашёл то самое, пока не узнал, что пироги она пекла по заказу сети кондитерских, и только их я и ел. Жена не пекла ничего. Разводились мы без сканда-

ла. Лидия потом присылала открытки на Рождество. Морис хранит их отдельно.

Девятая, десятая, одиннадцатая...

Я листал дальше и ловил себя на странном чувстве. Они были разные: смешные, умные, красивые, усталые. В каждой я искал что-то, и каждой в какой-то момент давал понять, что ищу не то. А ведь в каждой что-то было.

— Морис, а почему ты никогда не говорил, что я дурак?

— Мсье не дурак.

— Но я же девятнадцать раз делал одно и то же.

— Девятнадцать раз, мсье, вы надеялись. Это разные вещи. Дурак повторяет, потому что не видит. Вы повторяли, потому что видели и всё равно верили. Это, простите, куда обиднее.

Двенадцатая, Эльвира. С ней мы продержались дольше всех: несколько лет. Она была юристом и первой же ночью принесла брачный договор толщиной с хороший роман. Я подписал, не читая. Спустя несколько лет выяснилось, что один из пунктов обязывал меня раз в месяц выслушивать её презентацию о правах женщин-юристов. Я слушал. Я слушал бессчётное число раз. Я не жалею. Просто хочу, чтобы кто-то это знал.

Тринадцатая, Мадлен. Не любила деньги. Это было удивительно. Она отказалась от колье, от виллы, от поездки на Мальдивы и согласилась только на велосипед. Я был потрясён. Мы катались по набережной, и я был почти счастлив,

пока не обнаружил, что велосипед стоил как небольшой остров, а Мадлен выбирала его долго и консультировалась со специалистами. «Просто, — объяснила она, — я хочу лучший из простых».

Четырнадцатая, пятнадцатая, шестнадцатая. Морис написал на этой странице одно слово: «Отдых». Я не стал уточнять.

Семнадцатая, Жанна. Мы познакомились на вечере у посла. Она не знала, кто я. Я был в восторге: наконец-то женщина, которая не знает. Мы проговорили всю ночь. На расвете она сказала: «Знаешь, а ты забавный. Чем занимаешься?» И я, дурак, честно ответил. Она вежливо кивнула, допила кофе и сказала: «Ну надо же». А через неделю вышла за меня замуж. Тут уж Морис ничего не писал на странице. Он просто вклеил фото того кофе.

Восемнадцатая, Надин. Самая красивая. Я говорю это не как хвастовство, а как медицинский факт. Рядом с ней у людей забывалось собственное имя. Она не любила деньги и не любила славу, и я, как идиот, решил, что вот теперь точно. А потом выяснилось, что она не любила вообще ничего: ни меня, ни людей, ни яблок. Мы прожили вместе меньше года, и всё это время она смотрела на меня как на красивую, но неинтересную мебель.

Девятнадцатая, Вероника. Последняя. Я уже не верил ни во что. Она просто пришла и сказала: «Я знаю, что ты хочешь, чтобы тебя любили бесплатно. Я не могу так. Но я

могу сделать вид, что могу. Хочешь?» Это было так честно, что я заплакал. Мы поженились. Через год я заметил, что она научилась делать вид очень хорошо, и я уже не мог отличить, где игра, а где нет. Мы развелись. Она плакала сильнее, чем я.

На этом папка заканчивалась. Дальше шли чистые листы: Морис, очевидно, вложил их на всякий случай.

Я закрыл её и долго смотрел на синюю обложку.

— Морис, ты хоть раз думал, что дело не в них?

— Каждый день, мсье.

— И?

— И я всегда приходил к одному выводу, которого вы не хотите слышать.

— Говори.

— Вы искали любовь там, где её невозможно проверить. Пока у вас есть деньги, любая женщина, которая вас полюбит, будет под подозрением. И вы будете подозревать, и она это почувствует, и перестанет. Это замкнутый круг, мсье. Он не требует ни виноватых, ни жертв. Он просто есть.

Я откинулся в кресле. Где-то в доме тикали часы Мориса, которые никогда не опаздывали.

— Значит, выход один, — сказал я.

— Выхода два, мсье. Либо вы смиряетесь...

— Либо?

— Либо перестаёте быть тем, кто может быть под подозрением.

Он забрал папку и вышел. А я остался сидеть и впервые за много лет подумал, что можно не только страдать от своей судьбы, но и обсудить её условия.

Глава 3. Семья, что любит всех

Если вы думаете, что богатая семья — это обязательно интриги, яд в бокалах и завещания, спрятанные в часах, то вы читали слишком много романов. Моя семья была хуже. Она была счастливой.

Это звучит как похвала, но на деле это приговор. Знаете, как трудно сбежать от людей, которые вас любят безусловно? Если бы они ненавидели, было бы проще. Ненависть можно перетерпеть. А любовь множества двоюродных тётушек, которые считают, что вы, мсье, слишком худы, и требуют немедленно выпить бульона, невозможно ни перетерпеть, ни победить.

Семья жила в поместье на холме. Не в одном доме, а в целой деревне, которую никто никогда так не называл. Просто «Холм». На Холме стояли дома, огороды, часовня, пекарня и один Зал.

Зал стоял в центре. Огромный, каменный, с потолком, который терялся в тени. А в самом центре Зала росло Дерево.

Настоящее. Живое. Дуб, которому, по семейной легенде, было несколько тысяч лет. Ботаники приезжали, мерили кору, качали головами и уезжали, потому что ни одна методика не давала им ответа. Оно росло прямо из каменного пола, и корни его уходили куда-то глубоко под Холм. У подножия стояла Доска.

Доска была чёрная, гладкая, высотой в человеческий рост, и на ней были имена. Не вырезанные, не написанные, а проступавшие сами, как проступает влага на холодном стекле. Каждый, кто рождался в семье, получал на Доске своё имя. Рядом, тонкой линией, обозначалось, чей он сын или дочь. Так выстраивалось родословное древо, которое было и на Доске, и на самом Дереве, и в памяти всех ныне живущих родственников.

Первое имя на Доске нельзя было прочесть. Оно было написано знаками, которые никто в семье не видел ни до, ни после. Тётя Клотильда, наш главный архивист, утверждала, что это «древнейшая форма клинописи». Дядя Леопольд говорил, что это просто потёки. Они спорили об этом уже лет сорок.

Главным ритуалом семьи были ссоры.

Я не оговорился. У нас не принято было скрывать разногласия. Если двое родственников поссорились, их вели в Зал. Ставили по обе стороны Деревя лицом к Доске. И они стояли там молча, пока не помирятся. Иногда это занимало минуту, иногда сутки. Рекорд принадлежал двоюродному деду Эрнесту и его брату Огюсту, которые простояли несколько дней из-за спора о правильном способе заваривать чай. Когда они вышли, оба плакали и клялись, что чай вообще никому не нужен.

Никто никогда не уходил с Холма обиженным. Это была не традиция, это был закон природы. Так и записано на Дос-

ке, чуть ниже первого имени, мелкими знаками, которые, в отличие от первого, всё-таки удалось прочесть: «Кто ушёл, вернись. Кто вернулся, будь принят».

Я родился на Холме и вырос на Холме. Меня любили так, что в детстве я пытался убежать. Далеко не ушёл: через час меня нашёл двоюродный брат Рафаэль, который просто сел рядом на обочину и сказал: «Тоже надоели?» Мы просидели там до темноты, обсуждая, как было бы здорово родиться в нормальной семье, где тебя иногда не замечают. Потом пришла тётя Клотильда с корзиной бутербродов и термосом, и мы оба сделали вид, что так и надо.

Вот почему мне было сложно объяснить Морису, зачем мне нужна обычная жизнь. Он-то понимал. Он видел меня с семьёй, он видел, как меня обнимали. Но он также видел, что в этих объятиях нет вопроса. Мне никогда не нужно было заслуживать. Меня любили просто потому, что я есть, и именно поэтому я не знал, что такое быть любимым за что-то.

А это, поверьте, разные вещи.

Есть на Холме одно место, куда не пускали никого. Это не комната в доме и не подвал в часовне. Это дверь, спрятанная под лестницей Зала, окованная железом и запертая на три замка, ключи от которых хранились у трёх разных людей. В детстве я спросил у отца, что там. Он улыбнулся, взъерошил мне волосы и сказал: «Там наше прошлое, сынок. Ему не нужно, чтобы на него смотрели».

Я тогда подумал, что это красивый способ сказать «не лезь». Но вспомнил я о нём гораздо позже, в похмельный вечер, когда одно слово в старом нацистском документе вдруг сложилось в картинку, и я понял, что дверь под лестницей Зала, возможно, нужна мне больше, чем что-либо.

Но об этом потом.

Глава 4. Колесо и всё остальное

Семейный бизнес начался с колеса.

Я понимаю, как это звучит. Любая семья, у которой есть хоть какая-нибудь легенда, говорит, что их предок что-то изобрёл. Но в нашей это записано на Доске. Вторым именем после нечитаемого, вот этими самыми знаками, которые Клотильда расшифровывает как «Ур-Ну».

Ур-Ну жил в тех краях, где сейчас пустыня, а тогда была степь. Он катал по степи брёвна: так было легче тащить добычу. Однажды у него закончились лишние брёвна, и он положил под волокушу два круглых спила. Волокуша поехала сама. Ур-Ну сел рядом и долго смотрел.

Вот что отличало моего предка от всех остальных людей: он смотрел не на колесо, а на соседей. Соседи тащили добычу на себе. И Ур-Ну подумал, что колесо — это очень хорошая вещь, но продавать его нужно осторожно. Потому что если все получают колесо сразу, никому не придётся платить.

Это была первая в истории монополия. Он не продавал колёса. Он сдавал их в аренду.

Семья росла. Колесо стало повозкой, повозка караваном, караван торговым домом. Следующий предок, судя по Доске, изобрёл ось. Потом был рычаг, потом парус. Потом наш род понял главное: не нужно изобретать. Нужно покупать тех, кто изобретает.

К Средним векам у семьи уже были гильдии, патенты, привилегии. Когда появились современные патентные ведомства, наши юристы пришли первыми и заняли очередь так, что остальным пришлось записываться на следующий век. К двадцатому столетию мы владели долями почти всех компаний, которые что-то делали руками, головой или по проводам. Не контрольными, этого мы никогда не любили. Просто небольшими, незаметными, но повсюду. Как соль в супе.

Я узнал об этом уже взрослым. До этого я думал, что деньги просто есть, как воздух. Что они появляются на счетах каждое утро вместе с Морисом и завтраком. Мне и в голову не приходило спросить откуда.

Когда я спросил, отец усадил меня в кабинете, достал папку толщиной с хорошую книгу и сказал:

— Читай.

Я читал несколько дней.

Это была не история богатства. Это была история ответственности. На каждом листе стояли условия: кому мы продали, у кого купили, какие обязательства взяли. Когда началась великая засуха, мы кормили целые города, и было записано, сколько. Когда рушились банки, мы удерживали экономику. Когда заканчивались войны, мы платили за восстановление, и платили не из милосердия, а потому что иначе рынок остановился бы. И были страницы, о которых отец сказал только: «Это тоже мы. Не пропускай».

Я не пропустил. Там были тёмные годы. Там были контракты, которые мы заключали, потому что отказ означал бы смерть. Там были сделки, которые мы заключали, потому что выгода была слишком велика. Там были люди, которых мы не защитили. Я прочитал всё до конца и вышел из кабинета, как человек, которого хорошенько встряхнули.

С тех пор я никогда не говорил, что деньги чистые. Они не чистые. Они просто мои. И в этом, возможно, и заключалась главная трудность: я не мог их ни оправдать, ни выбросить. Если я их раздам, рынок обвалится. Если оставлю, они продолжат работать так, как работали тысячи лет. Я был не владельцем состояния, а его сторожем, и сторожем бессменным, и сторожем, который не имел права уйти в отпуск.

Морис однажды сказал:

— Мсье, вы относитесь к деньгам, как к больному родственнику.

— Это почти так и есть.

— Простите, но больных родственников любят не за то, что они приносят пользу. Их любят, потому что они свои.

— Деньги я не люблю.

— Знаю. Но вы за них отвечаете. А это, мсье, куда хуже любви. От любви можно устать. От ответственности нельзя.

Он был прав. Как всегда. И в этот момент, сидя в своём кресле у окна, с чашкой остывшего кофе в руках, я вдруг понял, что мне нужно совсем не то, чего я хотел до сих пор. Мне не нужна была женщина, которая полюбит меня без де-

нег. Мне нужна была жизнь, в которой деньги просто не имели бы значения. Хотя бы на время. Хотя бы чтобы проверить, а что же я такое, если убрать всё остальное.

Мысль была страшной. Я отложил её на потом. Но она, как кошка, никуда не ушла.

Три сделки, которые я знаю наизусть

Клотильда в детстве рассказывала нам историю семьи на ночь. Как сказки. Только в сказках злодеи обычно проигрывают, а в наших они обычно подписывали договор.

Вот три истории, которые я помню лучше всего.

Первая. Колесо в аренду.

Однажды, рассказывала Клотильда, к Ур-Ну пришёл вождь соседнего племени. Здоровенный человек по имени Балабан, с бородой, в которой жили птицы. Он пришёл не просить, а брать.

— Отдай колесо, — сказал он. — Или заберу вместе с головой.

Ур-Ну вздохнул. Он был человеком мирным и не любил, когда ему угрожали до завтрака.

— Заберёшь, — согласился он. — Но что ты будешь с ним делать?

— Катать! — сказал Балабан.

— А чинить кто будет? Колесо ломается. Ось стирается. Спицы трескаются. Я знаю, как делать это правильно. Ты нет.

Через месяц у тебя будет сломанное колесо и очень злая голова.

Балабан задумался. Ему стало ясно, что собеседник не боится, а считает. Это было новое чувство, и оно ему не понравилось.

— Что предлагаешь?

— Я дам тебе колесо. На весну. Ты отдашь мне мешок зерна. Осенью я вернусь, осмотрю его, починю и дам ещё на год. Если оно целое, берёшь снова. Если ты его сломал, платишь больше.

— А если я откажусь?

— Тогда я просто не дам тебе починить.

В этот момент, говорила Клотильда, Балабан понял, что его перехитрили. Но не обиделся, а, наоборот, оживился. Потому что впервые в жизни ему предложили не силу, а договор. А договор, в отличие от силы, можно показывать соседям.

Так родилась первая аренда в истории. С тех пор наша семья не продавала ничего насовсем. Мы давали. Под присмотром, на срок, с правом вернуться и проверить. «Что одолжено, то помнится», — любил повторять мой отец. Мне понадобилось много лет, чтобы понять, что это не торговая хитрость, а мировоззрение.

Вторая. Статут, которого не было.

В пятнадцатом веке, когда в Венеции придумали первый закон о патентах, наш предок Антонио Рота сидел в углу со-

вета и делал вид, что считает мух. Он не предлагал закон. Не писал его. Он просто в нужный момент спросил, сколько лет живёт изобретатель после того, как его изобретение украли.

Совет замолчал. Потом кто-то сказал: «Недолго». Потом кто-то добавил: «А если ему платить, пока оно работает?» А потом, как водится, написали закон на четырёх страницах, который тремя столетиями позже превратился в целую науку.

Антонио, по преданию, ушёл домой первым. Жена спросила, чем кончилось заседание.

— Мы придумали, как людям зарабатывать на собственных головах, — сказал он.

— Хорошо?

— Не знаю. Но они, кажется, довольны.

Я много думал об этом разговоре. Он объясняет всё: нашу семью, наши привычки и то, почему я до сих пор не могу пройти мимо часовщика, чтобы не спросить, чей у него патент.

Третья. Человек, который не продался.

Третья история не про деньги. Я долго колебался, рассказывать ли её, потому что в ней мы не герои.

В середине девятнадцатого века к нашему прапрадеду, Леопольду Первому (дядя Леопольд носит его имя и очень этим гордится), пришёл изобретатель. Бедный, нервный, с рукописью под мышкой. Он придумал способ сохранять еду, не охлаждая. Простой, дешёвый, почти гениальный. Лео-

польд Первый прочитал рукопись, проверил расчёты и, как положено, предложил выкупить права.

Изобретатель отказался.

— Я хочу, чтобы это было у всех, — сказал он.

— У всех не бывает, — ответил Леопольд. — Бывает у тех, кто платит.

— Тогда пусть платят мало.

— Мало — это сколько?

— Столько, чтобы я мог кормить семью.

Леопольд подумал. Рассчитал. Вышло, что при такой цене выгода составит сущую мелочь. Для нашего рода это была мелочь, почти шутка. Он мог бы согласиться, ради приличия. Но вместо этого поднял цену. Во много раз. Потому что рассчитал, что фабрики заплатят и такую, а изобретателя можно будет не слушать.

Изобретатель умер через несколько лет. Бедным. Его способ сохранять еду разошёлся по миру, и миллионы людей по сей день едят то, что он придумал. А наша семья заработала на этом столько, что хватило бы на небольшую страну.

Клотильда рассказывала эту историю тише остальных. Закончив, она каждый раз говорила одно и то же:

— Мы не злые, дети. Мы просто умеем считать. И иногда это страшнее зла.

Я долго не понимал, зачем она нам это рассказывает. Мне казалось, что нужно хвастаться предками, а не стыдиться. И только когда я повзрослел и прочёл папку отца, я догадался.

ся: она делала прививку. Знала, что рано или поздно мы все станем сторожами этой огромной машины, и хотела, чтобы мы помнили, что она умеет делать не только хорошее.

Ночь, когда я попытался отдать всё

Я расскажу ещё одну историю, потому что она объясняет моё решение о приборе лучше любых рассуждений.

Я был уже взрослым человеком. Я только что дочитал отцовскую папку, и во мне бродила та смесь вины и решимости, какая бывает у людей, впервые узнавших, откуда у них хлеб. Я вызвал Мориса среди ночи и сказал:

— Я хочу всё раздать.

Морис пришёл в халате. Серьёзный, прямой, с блокнотом.

— Всё, мсье?

— Всё. Все счета. Все доли. Все права. Пусть тот, кто изобрёл колесо, получит его обратно.

— Ур-Ну умер много тысячелетий назад, мсье.

— Тогда его потомки.

— Его потомки — это вы, мсье. Ещё немало людей на Холме. И, по самым скромным подсчётам, миллионы людей по всему миру, которые в разное время носили ту же фамилию.

Я растерялся.

— Хорошо. Тогда фонду.

— Какому, мсье? У вас их десятки.

— Любому.

— Тогда, мсье, позвольте объяснить, что произойдёт.

Он сел напротив и очень спокойно, без жалоб, выложил картину. Если я раздам всё в один день, на рынке начнётся такая паника, что в течение недели закроются заводы, в месяц разорятся банки, а к концу года люди, которых я хотел защитить, потеряют работу. Потому что деньги нашей семьи были не горой золота, а системой труб. И если открыть вентиль, вода хлынет не туда, куда я хочу, а туда, где ей проще.

— Мсье, — закончил он, — вы пытаетесь решить проблему, которую нельзя решить одним решением. Она решается медленно. Постепенно. Скучно. Годами.

— Я не хочу скучно.

— Знаю. Но другого способа нет.

Я сидел и смотрел на Мориса. Он выглядел усталым. В халате, с седыми висками, без привычного жилета. И мне вдруг стало стыдно.

— Прости, что разбудил.

— Ничего, мсье. Это ваш дом.

— Нет, — сказал я. — Это твой.

Он задумался.

— Если мсье позволит...

— Нет. Говори.

— Мсье, мне кажется, что вы напрасно мучаетесь вопросом, как избавиться от состояния. Вопрос не в этом. Вопрос в том, кем вы хотите быть рядом с ним.

— И кем?

— Это вы решите сами, мсье. Но не сегодня. Сегодня вам надо спать.

Он ушёл. А я долго стоял у окна и смотрел, как над садом светлеет небо, и думал, что он, как всегда, прав. И что мне, как всегда, нечего ответить.

И только через много лет, лёжа в кроватке в городе у реки и пытаясь вспомнить имя человека в чёрном жилете, я догадался, что именно в ту ночь впервые подумал об исчезновении всерьёз.

Глава 5. Сайты знакомств и чужие лица

Той зимой я узнал то, чего не знают люди без проблем с деньгами: как много в мире сайтов знакомств.

Я зарегистрировался на одиннадцати. Морис помогал. Он сидел рядом с блокнотом и составлял мою анкету с серьёзностью человека, готовящего дипломатическую ноту.

— Имя?

— Жорж.

— Фамилия?

— Пусть будет Мартен. Их миллион.

— Профессия?

— Бухгалтер.

— Мсье, — осторожно сказал Морис, — у вас руки человека, который ни разу не открывал калькулятор.

— Тогда архитектор-любитель.

— Любитель чего?

— Не знаю. Скажем, аквариумов.

Морис записал: «Увлекается аквариумистикой». Потом поднял на меня глаза и спросил: «Мсье, вы хоть раз видели аквариум?» Я признался, что видел два: один в доме посла и один в ресторане, где его потом подали на ужин. Морис вздохнул и молча дописал: «Начинающий».

Фотографию мы делали на телефон. Я в старом свитере

из чулана, в очках, которые Морис нашёл в ящике и вставил в них простые стёкла. Получился человек, которого можно встретить на любом вокзале и не запомнить. Я был в восторге. Морис сказал, что это «очень убедительное несчастье».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.